

ВИТАЛИЙ ГУРИН

418

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виталий Гурин

418

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51010716
418 / Виталий Гурин: Эдитус; Москва; 2020
ISBN 978-5-00149-317-4

Аннотация

К сожалению, реальная жизнь гораздо сложнее детских грёз и мечтаний. Мы проживаем странную циничную жизнь, растеряв остатки человечности. Кажется, бездушные тела всего лишь механизм реализации страстей и суеты. Однако давно забытые детские эмоции стоят на страже наших кошмаров.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	5
1	9
2	16
3	29
4	32
5	34
6	40
7	45
8	50
9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Виталий Гурин

418

Всему своё время, и время каждой вещи под небом...

418

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Пролог

Я помню тот день как вчера. Даже спустя двадцать семь лет эта странная мистическая картина стоит у меня перед глазами.

Всего лишь на секунду забыть, задуматься – всё возвращается.

Это было весной, когда наше многочисленное семейство, включая бесконечных родственников, собиралось в деревне. В отчем доме моей матери.

Бабушка выходила в палисадник кормить цыплят. Дед же ковырялся в саду. Наш огромный красивый яблоневый сад представлял собой потрясающее зрелище.

Особенно когда у деревьев – вишен и яблонь – распускались листья и появлялись цветы. Теперь я бы сказал, что это было совершенно невероятно.

Тогда же всё выглядело довольно обыденно. Ветви яблонь прогибались до самой земли, и дедушка ставил деревянные жерди под ними, чтобы они не сломались под собственным весом.

Моя мать, как и её сёстры, занимались каким-то хозяйством, которое было полностью неинтересно мне – малолетнему шалопаю, носящемуся, как ветер, там, где нужно и не нужно.

Я бежал из сада во двор, в палисадник, бегал по крыльцу.

В какой-то момент мне показалось, что меня позвала мать из дома.

Я бросился внутрь.

Когда я открыл тяжёлую входную дверь, меня настигла тишина. Свет был выключен, и казалось, что дома никого нет, хотя буквально десять минут назад я отчётливо слышал присутствие матери.

Вначале я посмотрел налево: большая белая печка молчаливо занимала большую часть дома. Справа – кухонька, там тоже никого.

Я прошёл внутрь: зала с телевизором, где обычно все собирались вечером и что-то просматривали из имеющихся двух телевизионных каналов, ибо в деревне тогда больше и не ловило.

Слева – кровать бабушки. Самое тёплое место в доме, ибо одна из стен в комнате по совместительству являлась стенкой печки. Далее – большая неотапливаемая зала, за отдельной дверью.

Трубы ползли по сиротливым стенам. Жить здесь можно было исключительно летом.

Когда-то давно по этим трубам шло тепло от большой печки, но потом котёл лопнул, и чинить его, как у нас часто водится, никто не стал. Так и жили.

Эта комната была просторной, большой и холодной. Даже летом. Здесь находилось трюмо, где хранились старые семейные фото. Здесь же я встретил и мать с тёткой, убираю-

щих шкаф. Они попросили меня найти отца и позвать его.

Возможно, им нужно было сдвинуть шкаф с места.

Пожав плечами, развернулся и направился к выходу.

Внезапно входная дверь со скрипом открылась, и на пороге я увидел это. Нечто.

Оно было большое. Не просто по меркам маленького пятилетнего ребёнка. Его фигура, укутанная в чёрный балахон, занимала весь дверной проём. А это метра два в высоту.

Интуитивно я понимал, что где-то там, под лохмотьями, у нечто должны быть конечности, но их не было.

Самое завораживающее зрелище – лицо. Его не было. Изпод чёрного балахона на меня смотрела зияющая чёрная пустота.

Ничто. И оно меня видело.

Я смотрел в ответ. Без страха. С интересом. Мне было любопытно. От увиденного захватывало дух. Я хотел поделиться с кем-нибудь.

Я развернулся и бросился назад к матери.

– Мама, смотри, кто там пришёл.

Мать удивлённо смотрела на меня и на входную дверь.

Но там никого не было.

Схлопотав подзатыльник за глупые шутки, я вынужден был ретироваться.

Спустя пару дней мы ушли на речку с двоюродными братьями и тётками.

Возвращаясь домой, обнаружили нескольких незнаком-

цев, что-то объясняющих отцу и дядькам. Заплаканных тёток и бабушку.

В тот день мы узнали, что дедушка погиб на работе. Из-за пожара. Он работал на заводе ЗИЛ. В трансформаторной произошёл пожар. Дед сгорел заживо.

Мой дед. Ветеран Великой Отечественной войны, призванный в самом её конце, оставался в армии до 1953 года.

Демобилизовался сержантом.

Его война длилась восемь долгих лет.

А погиб он по нелепой случайности. На работе. Из-за того, что кто-то халатно отнёсся к своим обязанностям по технике безопасности. Странная жизнь.

Спустя 30 лет я прокручиваю те два события в голове и думаю, что они были связаны.

1

Я всегда любил море. Не знаю почему. Просто любил, и всё. Сначала на картинках в детских книжках. Потом в реальности.

Когда я был в третьем классе, родители вывезли нас с братом на русский юг, под Геленджик. Это было здорово.

Отец собрал всю свою волю в кулак. Бросил пить на несколько недель и починил нашу старую «Волгу».

Мы сели в неё рано утром и, словно любящая семья, уехали встречать рассвет на трассах южного направления нашей необъятной Родины.

Несмотря на то, что впоследствии я объездил всё Чёрное море, а также побывал в нескольких странах, изучая иноземное побережье, то давнее время вспоминаю до сих пор с теплотой.

Отец очень много пил, когда мы были маленькие с братом. Даже бегал с ножом за матерью.

Родители постоянно ругались. Доставалось и нам. Матери не было смысла кричать на пьяного отца, так как ему было всё равно в его состоянии.

Приходилось вымещать злобу на детях.

Но в тот момент... Когда мы ехали всей семьёй на море... Когда мы отдыхали на море как семья. Жили в маленьком домике из фанеры. Ходили купаться на галечный пляж.

Ездили на экскурсию в горы и на водопады...

Я на секунду подумал, что другая жизнь вполне реальна. Я на секунду подумал, что, возможно, всё может быть лучше.

Это были приятные воспоминания. Здесь спустя много лет. В другой обстановке, но всё на том же черноморском побережье, на песчаном берегу Бугазской косы, через полу-дрёму, приласканного тёплым сентябрьским солнцем, меня разбудил телефон.

Не то чтобы я спал, однако раздражение моё имело место совсем по другой причине.

Я потребовался своему руководству. Тем самым людям, у которых опять горели какие-то важные дела, решить которые мог только я.

Я мог не брать трубку. Мог вообще забыть телефон в номере, но я так же прекрасно понимал, что эти же люди платят мне деньги.

Деньги, на которые я жил, мог купить себе машину, квартиру и отдыхать два раза в год на море в тёплых странах.

В начале лета мы с женой летали в Черногорию. Осенью за неимением времени решили смотаться на недельку на наш юг.

На самом деле у меня не было никакого предубеждения по поводу отдыха на русском Чёрном море.

И жильё, и сервис меня вполне устраивали. Как и мою жену. Я всегда считал, а точнее, меня этому научила жизнь, что важнее всего расставить приоритеты.

Ну, то есть, грубо говоря, с точки зрения линии берега, моря и солнца отличия между нашим югом и заграничным, конечно, встречались. Заключались они в растительности, цвете моря, его чистоте, концентрации солёной воды и пейзажах.

Однако это вовсе не значит, что в России совершенно нечего было делать на море.

Например, спустя время, получив возможность сравнить пляжи Анапы и легендарной Айя-Напы, можно сказать, что, если не прибегать к фотошопу во втором случае, там тоже не всё так радужно.

Забавно, но даже названия этих курортов были похожи. На косе мне даже показалось спокойнее.

И людей меньше, и по пляжу можно идти бесконечно.

А пешие прогулки я люблю.

С другой стороны, если речь идёт, конечно, о сервисе: о жилье, о еде, об окружении, то тут, конечно, сравнение не в пользу отчизны.

К сожалению, здесь мне мало что можно сказать в положительном ключе.

Я уже 11 лет занимаюсь юриспруденцией. В разных её аспектах, прошу заметить, но поведение нашего родного, русского, человека меня до сих пор вымораживает.

Я никак не мог понять: неужели есть какой-то смысл в том, чтобы накопить денег (и денег немалых для многих регионов), чтобы проехать на машине через всю страну только

для того, чтобы ежечасно устраивать скандалы себе и своим детям?

Напиваться под вечер и под музыку знаменитых шансонье устраивать пьяные танцы в номере. С криками, матом – всё как полагается.

Иногда мне казалось, что я совершенно чуждый указанной идеологии элемент. Что все эти люди мешают мне наслаждаться прибоем, морскими закатами и тёплым ветром.

Но тогда я вспоминал своих родителей, и всё вставало на свои места.

Они не могли провести вместе и пяти минут без скандалов. Хорошо, хоть на людях не скандалили.

Поэтому я считаю, что всё дело в людях. Всегда и везде.

Меня же привлекало всегда то, что на нашем юге можно недорого и со вкусом отдохнуть, если не зацикливаться на выпивке и перебранках с жёнами.

– Да, Андрей Степаныч, – ответил я в телефон. – Да всё нормально. Да, в Анапе. Ну... да... рядом. Витязево. Да. Я понял... посмотрю.

Разговор окончен. Ничего хорошего он не предвещал.

Звонил шеф. Его друзья из министерства объявили тендер на ремонт какой-то вентиляции. Естественно, сроки горели. Естественно, кроме меня, помочь никто не мог.

На самом деле технически, конечно, мог. Людей, имеющих познания в юридической стороне вопроса участия в тендерах, в стране хватало.

Хватало и технических специалистов, которые могли работать с электронной подписью на электронной площадке.

Я представлял собой сплав и тех и других. Но, к слову сказать, и таких людей было предостаточно.

Единственный момент, который мог объяснить всю потребность шефа в моей персоне, был основан на доверии.

Все тендеры, разыгрываемые в России в середине десятых годов XXI века, представляли собой, по сути, отчуждение бюджетных средств в карманы чиновников – распорядителей этих средств – и предпринимателей, которые им в этом помогали, ну и себе копейку зарабатывали.

И вот тут-то и включался элемент доверия. Не поймите неправильно, дела эти не были уголовными. Закон построен так, что выигрывает всё равно свой человек.

Да, иногда их может быть два «своих» человека. Или даже три. Случалось такое тогда, когда взгляды на распределение бюджетных средств расходились у руководящих должностей государственного органа, инициировавшего тендер.

Например, заместитель генерального директора хочет, чтобы его контора выполняла государственный заказ, а главный бухгалтер хочет свой.

Руководитель ничего не предпринимает, так как ему и так принесут в итоге часть доли.

Ну вот и начинается эта чехарда. Видимость конкуренции между двумя конторами, торги и так далее.

Однако это не изменяет факта того, что выигрывает всё

равно «своя» контора. А вот чтобы кто-то пришёл с улицы и забрал «сладкий» заказ – ну это уже совсем дудки.

Нет, выиграть-то можно, конечно. Но что потом с таким заказом делать? Там либо работа в убыток, либо палки в колёса будут вставлять заказчики.

Вернёмся к доверию.

Естественно, в таких делах крайне нежелательны люди с улицы. Не дай бог они ещё из органов каких или вообще (не к месту упомянуты) от Навального.

Собственно говоря, это был мой заработок. Глупо было отказываться. Мне за это платили деньги. Спустя пять лет мытарств я нашёл свою нишу, которая кормила меня и мою жену.

Аккуратно, не бросая трубку, я посмотрел украдкой на свою супругу.

Она уже не нежилась под солнцем. Опершись локтем на циновку, которую мы расстелили на пляже, супруга молчаливо смотрела на меня.

– Работа? – тихо спросила она.

Я кивнул.

Она у меня была молодец. Всё понимала. Нам надо было крутиться в этом сложном мире. Кроме нас, нам никто не поможет. Её родители – пенсионеры. Мои тоже. Её мать – медсестра, отец – слесарь.

Мой отец – сантехник, мать – учительница. Я думаю, объяснять читателям уровень дохода наших родителей не стоит.

Учитывая то, что мои родители купили за всю свою жизнь в кредит только «Рено Логан».

Что ж... хотелось не повторить их участь.

– Сколько у нас времени? – устало спросила супруга.

– Послезавтра мне надо быть на работе.

– Значит, выезжать надо завтра утром?

Я кивнул. Она повеселела. Ведь в нашем распоряжении был ещё целый день.

– Сейчас полежим на пляже. Потом погуляем по набережной. Потом скушаем пиццу, искупаемся и вернёмся в номер.

Я улыбался, как маленький.

2

Старый, обветшалый дом предстал перед моим взором. Казалось, его полностью поглотила виноградная лоза. Изредка каменная кладка проглядывала из-за веток.

Вход был немного скрыт каким-то кустарником. Со скрипом тень открыла дверь. Внутри темно. Небольшая терраса. Справа дверь в жилую часть дома.

Со скрипом открылась и она. Освещение тусклое. Свечи причудливо рисовали языки пламени на стенах. Это их отражение.

В центре, на печке, сидела прабабушка Арина.

Забавно. В реальности я и не вспоминал её. Но сейчас я точно знал, что это она. Увидев тень, она обрадовалась, и нечто подошло ближе.

Прабабушка что-то начала говорить. Тень была неподвижной. Вдруг в гневе образ бабушки исказился. Глаза впали. Костлявые руки обернулись когтями.

Беззубый рот стал полон чудовищных клыков. Она кричала. Пыталась наброситься на тень, но тщетно.

Вихрь тёмной энергии резко дёрнулся в сторону прабабушки, окутал её за секунду, застыл на мгновение и... разорвал на части.

Нематериальное тело застыло в муке, опало и исчезло. Всполохи тёмной энергии потускнели и испарились тотчас,

когда прабабушки не стало.

Дом остался пуст и покинут.

* * *

Мы выехали рано утром. Солнце ещё не вышло из-за горизонта, но на улице было уже светло, чтобы ехать без включения фар.

Фары, конечно, всё равно придётся включить – таковы правила. Но для меня от них толку будет мало. Для встречных автомобилей, конечно, оно полезно.

Утренним летом на русском юге довольно тепло.

Я был одет в лёгкие шорты и футболку. Жена – в короткую юбку и топик с коротким рукавом.

Если уж нам предстояло проехать полторы тысячи километров от рассвета до заката, это надо было делать с максимальным комфортом.

Конечно, даже лёгкая одежда при палящем солнце и включённом кондиционере не избавит тебя от томящей дороги.

Впрочем, дороги я любил. Я регулярно ездил на дальние расстояния за рулём. Это было интересно, по-моему. Возможно, за рулём какого-нибудь другого автомобиля я бы и чувствовал себя некомфортно, но мой старый ровер был создан для долгих поездок.

У меня было много машин. Совершенно разных: дешё-

вые, дорогие, иномарки, нашемарки... Наверное, я поездил почти на всех.

Жизнь побросала таким образом, что с внедорожников «премиумов» я пересаживался на «Рено Логан» и с «девятки» на мерседес.

Ничего не давалось легко. Это меня печалило, конечно. Постоянно всплывали какие-то препятствия на жизненном пути, которые я не мог просто перепрыгнуть одним махом.

Они представляли собой неприступные стены, подойдя к которым, приходилось сначала делать подкоп, потом закладывать взрывчатку и только потом взрывать это всё.

Проблема такого подхода заключалась в том, что я тратил много сил и времени. И если силы ещё как-то можно было восполнить, то вот времени катастрофически не хватало.

Не поймите меня неправильно. Мне 36 лет, у меня есть работа, на которой я получаю больше среднестатистического жителя страны. У меня есть любимая жена. Неплохой багаж знаний, чтобы заработать себе на хлеб с маслом. Но тем не менее время ускользает, как песок сквозь пальцы.

Мои родители – простые колхозники, которые по молодости приехали в один уездный город в поисках лучшей участи. Мать – учительница. Отец – сантехник. Звёзд с неба не хватают. Они постарались дать мне хорошее образование, как могли, и, собственно говоря, всё. Более способностей мне помочь не было.

С этого момента в жизнь приходилось буквально вгры-

заться.

Глядя на своих состоятельных однокурсников, я понимаю, почему начал спиваться на последних курсах: отсутствие перспектив, денег и связей.

С алкоголем так легко забыться. Так легко всё переварить. Все превратности жизни. Взлёты и падения – ничего не важно, когда ты под градусом.

Проблемы усилились, когда я начал работать. Я работал за 7 000 рублей в месяц.

Но и для такой работы пришлось переехать в Москву. Я долго работал и набирался знаний. В итоге дело сдвинулось с мёртвой точки. Я начал получать больше, обзавёлся семьёй.

К сожалению, я не мог просто щёлкнуть пальцами и получить всё и сразу, поэтому ряд моих начинаний с треском провалились. Мне пришлось отступить назад и навёрстывать упущенное.

К 36 годам у меня был неплохой заработок и некое подобие стабильности. Пусть оно и было иллюзорно в какой-то мере.

Но сколько ещё вопросов мне надо было решить.

Одним из таких вопросов была квартира. Да, я до сих пор скитался по съёмному жилью. Проблема вся была в том, что мы с женой не хотели влезать в ипотеку. При нормальном движении обстоятельств своим чередом мы бы накопили на квартиру за пять лет. Взяв ипотеку, мы бы на 30 лет оказались в долговом рабстве.

Я всё-таки был юристом, поэтому понимал, что в окружении нестабильной экономики, недействующих законов и прочих негативных факторов, влезать в ипотеку – не вариант.

Сейчас я мог послать всё к чёрту и уехать хоть на край света, сняв все деньги со своего счёта.

Свободой надо дорожить. Уж я-то это понял.

А сколько я видел разбитых и несчастных семей, которые размахивали своими грудными детьми перед носом судьи. Всё это не имело никакого эффекта. Потеря работы при имеющейся ипотеке – это катастрофа. Никому не было до этого дела.

Печальная правда.

Да и что мы могли купить? Такую же «однушку» в монолитном многоквартирном доме? Где один сосед – алкаш, второй – наркоман, третий (самый опасный) – бабушка – божий одуванчик. Ну и самый главный – тот, что постоянно начинает сверлить стены в 8 утра в воскресенье.

Всё это было печально. Когда я думал над этим, меня бросало в холод. И за это мы должны будем платить 30 лет. А переплата составит две стоимости этой халупы.

Я точно уехал из маленького города не для этого. Из одного болота попасть в другое. Создавать свой собственный ад вокруг себя.

В народе бытует мнение, что переезжать куда-то нет никакого смысла в поисках лучшей участи. Последователи та-

кого подхода утверждают, что нужно менять среду вокруг и внутри себя. С собой же ты привезёшь то же самое на новое место.

Примером якобы служат многочисленные мигранты. У нас или в Европе, которые создают свои гетто, диаспоры и так далее.

Я думаю, что всё зависит от человека. Здесь всё как в Откровении: «Вот конь белый. Вот всадник. И ад следует по пятам его».

Если ты привозишь с собой свой ад, то, конечно, успеха не будет.

Мне же кажется, что мы лягушата, которые проживают в своём большом родном болоте. И оно им так надоело, что стало понятно: что-то надо менять. Но разве пара лягушат что-то могут поменять? Как они могут изменить болото?

Болото может высохнуть со временем. На это может уйти сотни лет. Это естественные процессы природы. Есть ли в этом заслуга лягушек? Сомневаюсь.

Так что делать лягушатам? Выход только один – бежать из болота. Другого не дано.

Лягушкой, конечно, ты быть не перестанешь, но воздух вокруг станет явно чище.

Поэтому, вкусив по полной горечь жизни в провинции, пережив череду взлётов и падений, мы с женой рванули в Москву.

На самом деле Москва, конечно, красивый город. Да и

единственный таких масштабов в России, что уж тут говорить. Но дело не в этом.

И явно не в климате. Климат я люблю тёплый.

Дело в возможностях. И вот с этим тут всё очень хорошо. Ну... скажем так, гораздо лучше, чем в остальной стране.

По крайней мере, шансы реализовать себя в столице гораздо выше, чем в каком-нибудь уезде. Про всякие деревни и сёла я вообще молчу – шансов там просто нет.

Естественно, что именно это является причиной роста цен на жильё в столичном регионе в периоды затяжного экономического кризиса.

Спрос на жильё достаточно устойчив, потому что большая часть разумного населения бросает весь свой скарб в регионах и едет в Москву.

Ну, вот вам для сравнения: на всём Дальнем Востоке проживает 6 миллионов человек. В Москве только проживает 15, во всём регионе – порядка 30. То есть Москва и Московская область по населению в пять раз больше, чем территория размером с Бразилию. Парадокс.

Естественно, по телевизору такого не рассказывают. Ведь аналитики свяжут повышение цен на квартиры-халупы с падением экономики, падением курса валюты, повышением налогов, санкциями – чем угодно. Лишь бы не смотреть правде в глаза.

В России есть и другие самодостаточные регионы: Краснодарский край, Питер, возможно, отдельные очаги жизни

на Урале. Всё это – капля в море по сравнению с необъятными территориями нашей Родины.

Хотя, надо признать, территории эти по большей части сложны для проживания.

Мне как-то хватило одной командировки в Мурманск, чтобы понять, почему север страны с момента распада СССР катастрофически опустел.

Причина была банальна. После того, как злой энкавэдэшник с автоматом перестал караулить закрытые территориальные образования, в которые в своё время согнали людей, народ потихоньку начал разбегаться, ибо морозить свой зад в условиях крайнего севера хотят не многие.

Нет, конечно, кто-то и в условиях полного бедствия устроится хорошо. Но надо смотреть правде в глаза: тяжело в таких условиях жить человеку.

Вот такие вот мысли меня посещали. Ну, то есть я думаю, что это является оправданием моих поступков. Поиск лучшей жизни.

Ну и ещё мне не доставляет удовольствие сидеть долго на одном месте, конечно. В этом отношении я космополит. Вопросы слезинок на деревенские пейзажи и «скорбь по берёзкам» меня совершенно не трогали.

А возможно, я просто вырос, стал слишком циничен и послал всё к чёрту, пытаясь выжить в огромном неприветливом мире.

Я и моя жена – мы одни в этом мире. Никто не придёт

на помощь. Так получилось. Уж некоторые вещи-то мы повидали. Можете поверить.

Больше всего на свете я хотел просто сесть у моря, где-нибудь, чтобы рядом была супруга. Тёплый ветер ласкал бы её волосы. Мы бы встречали закат. Не надо было бы никуда спешить. Гнаться за временем. Чтобы время остановилось на мгновенье, секунду, час, год... понимаете?

Возможно, какая-то часть романтики во мне не умерла окончательно.

Но я должен был постоянно бежать, увлекая её за собой. Иного пути не было.

Я много пил в своё время, бросил, потому что не нашёл ответов на свои вопросы. Я был религиозен, но религия оказалась очередной тупиковой дорогой. Я был слишком эрудирован, чтобы задавать вопросы. И всё это вышло боком. Любое религиозное учение нужно понимать через призму его превосходства над другими учениями. Но вопрос, кто же прав, всё время мучил меня. И если с бесконечными ветвями христианства, мусульманами и иудеями я ещё мог прийти к какому-то внутреннему консенсусу, то, что делать с полутора миллиардами китайцев, чья культура насчитывала тысячелетия, я так и не понял. Это рушило всю картину мира. Китайцы не укладываются в авраамические религии. У них всё по-другому. Но не значит, что хуже или лучше, просто не так.

И тут тоже проблема, потому что, если бы это было лучше

или хуже, это бы доказывало состоятельность того же ислама, его превосходство или христианства. Ну или наоборот, можно было бы плюнуть на всё и стать буддистом.

Проблема в том, что это не доказывало ничего.

И после такого откровения наступила пустота.

Всё это было бессмысленно. Ведь на самом деле человеческий организм состоит из крошечных частиц – молекул и атомов. Этим частицам миллиарды лет. Многие из них появились в момент появления Вселенной. С этой точки зрения я, моя жена, да и все остальные тоже были бессмертны. Частицы после смерти никуда не пропадут. Эти процессы бесконечны. Возможно, где-то на уровне квантовой механики есть объяснения более точные и правильные, мне хватало и этого. В этом вопросе была поставлена точка.

Многие, конечно, возразят: а как же разум? Ведь именно разум отделяет человека от остального животного мира, делая его «венцом природы».

Проблема была в том, что такими эпитетами человечество наградило себя само. Если какой-нибудь дельфин узнал бы об этом, он, наверное, огорчился бы.

Мы мыслим категориями человеческой жизни, которая очень коротка. Разум же – способность дать оправдание своим поступкам с точки зрения логики. Но что если т. н. разум – всего лишь более сложный инстинкт?

Вот зверю нужно пить, есть, размножаться, чтобы выжить. А человек – более сложный зверь. Ему недостаточно просто

есть и размножаться. Вот тут-то и приходит на помощь «разум».

Ведь если посмотреть на т. н. «разум» в масштабах бесконечной Вселенной, он представляется таким же бессмысленным. Сам факт возможности мыслить не говорит ни о чём.

Мы – пыль Вселенной. А может, даже и меньше.

Вот о таких вещах мы примерно разговаривали во время наших долгих дорог на море и с моря. Нет, конечно, мы говорили обо всём на свете. О философии, жизни, о детстве. Перемывали косточки многочисленным родственникам.

Всё как у людей. Я люблю такие вещи.

– Ты так говоришь, потому что тебе нужно самому оправдать свою жизнь, – здесь моя жена была категорична в построении выражений.

Я знал, что за этим последует.

– Ты никогда не думал, что вся твоя красивая теория – всего лишь заблуждение, которое ты выдумал, чтобы оправдать свою невозможность иметь детей?

Я замолчал. Честно говоря, я думал над этим. Вполне возможно, моя жена была права. На самом деле это было очень тяжело. Мы так долго и упорно пытались подняться по социальной лестнице этой жизни с самого дна, и, когда впереди уже замаячила надежда на то, что положительный результат возможен, всё было перечёркнуто.

Не было смысла трудиться, зарабатывать, покупать жильё, машины, дома, квартиры, пароходы.

Моя жена была бесплодна. Я тоже был бесплоден. Вот такой вот интересный удар. Очередной интересный удар.

– Оля, прошу, не начинай, – в очередной раз менторским тоном я начал свой монолог, – всё вполне поправимо. У меня проблема со сперматозоидами, но не фатальная. Я же сдавал анализы. Необходимо подлечиться. На худой конец сделать пункцию. Твои же спайки убираются операцией, потом курс лечения, и всё. И готовимся к ЭКО ИКСИ. Надо только подождать.

– Как долго? – жена подняла голос. – Ваня, нам уже больше тридцати. Нам ещё лет пять решать вопросы с квартирой. Неизвестно, сколько с этими болячками. На всё нужны деньги. А ещё лучше – это всё проделывать не в России. Доктор сказал, что только 17 % таких операций, сделанных по бесплатному полису, удаются. 17, Ваня, это ничто. Нам нужен стопроцентный результат, дорогой. На это нужны деньги. И, что самое главное, время. А у нас нет времени. Я не хочу привозить детей в школу, и какие-то малолетки будут тыкать в меня пальцем, а ребёнок стесняться своей матери-старухи.

Тут она, конечно, лукавила. В свои 32 года у неё всё ещё было отличное молодое тело, красивое лицо, и на вид ей было лет двадцать. Здоровый образ жизни. Я тоже выглядел неплохо.

Многие наши сверстники выглядели гораздо хуже.

– Это нормально, – парировал я. – На Западе семьи только начинают создавать к такому возрасту. У родителей есть

достаток, есть жильё. Они могут содержать ребёнка. Не зависеть от родителей и не мотаться по съёмным квартирам.

– Но мы не на Западе. – Оля всегда знала, что ответить.

В салоне машины стало тихо, и только шум покрышек о сухой асфальт нарушал молчание.

Он, как случайный попутчик, постоянно влезал в разговор, нарушал тишину и всё время следовал за нами. Но меня это не раздражало, а, напротив, успокаивало.

Я решил прервать эту идиллию:

– А давай уедем отсюда? Что нам терять?

Жена устало посмотрела на меня и тихо спросила:

– Куда?

В её голосе читалась безнадёга и отсутствие какой-либо мотивации.

3

Мы уже проезжали Воронеж, когда начало темнеть. Я почувствовал надвигающуюся усталость. Местом для ночлега выбрали очередной недорогой придорожный отель с тем расчётом, что оставшиеся пятьсот километров мы проедем часов за пять и к обеду следующего дня будем в столице.

Такие отели не отличались разнообразием. Да и, честно говоря, отелями их назвать можно с большой натяжкой. Ночлежка, не более.

Поправив одеяло, Оля выглянула в окно.

– Какое странное место, – спокойным, но удивлённым голосом предложила посмотреть и мне.

Подойдя к окну, я увидел метрах в пятистах от отеля насыпные валы, высотой в два человеческих роста. Действительно интересно. А с дороги и не видно.

Когда я был моложе, то часто любил путешествовать по всяким историческим объектам. Оставленным, покинутым, брошенным. На худой конец разрушенным. Время стирало их из памяти человечества, но меня почему-то постоянно влекло в такие места.

Будто они были связаны со мной задолго до моего рождения. Возможно, и их рождения тоже.

– Это какое-то городище, – лениво, не выдавая своего удивления, сказал я. – Вот линии насыпей, – я говорил и по-

казывал пальцем в окно, чтобы объяснить жене, – это крепостные валы. Как правило, на них стояли деревянные стены. Склоны утыканы частоколом, а у подножья должен быть ров. Вот эти проёмы в валах – места, где были ворота. Я много таких мест объездил в своё время.

– Интересно, – Оля заинтересованно продолжила свои расспросы, – сколько этой крепости может быть лет?

– По-разному. Зависит от того, когда она потеряла значение в качестве убежища, укрытия или жилища и вследствие чего. Можно зауглеть. Ложись в постель.

Я бы мог сделать какие-то догадки, но это было бесполезно. Тем более в век безлимитного Интернета в каждом кармане такие вопросы отпадали сами собой.

Я достал телефон и открыл гугл-карты. Навигатор точно определил наше месторасположение. Рядом с трассой находилось село Иваново.

Далее я вбил уже в поиск: «Иванинское городище Воронежской области» – и вуаля, не прошло и секунды, как искусственный разум выдал мне ссылку на статью в «Википедии».

Предположительно, древнерусский город Борисов. Первое упоминание в летописи – 1108 год. Я бегло читал информацию вслух. Жена с интересом слушала.

– Разорение монголами. Набеги. Войны удельных князей. Набеги. Войны. Крымский хан. Войны... Утратил своё значение в середине XVI века. Заброшен.

– Весело они тут жили, – засыпающим голосом ответила жена.

– Везде так жили. Время было такое. Таких городищ по всей стране разбросано... Ого-го сколько.

Я уснул.

4

Реальность мерцала.

Вот перед нами поросшая травой, окружённая остатками валов площадка древнего города. В некоторых местах трава настолько высока, что достаёт человеку по пояс.

Ничего примечательного. Со стороны трассы взгляд падает на проём в насыпях. За ним ничего нет, только валы и трава.

Вдруг пространство и время искажается. Пейзаж меняет краски. Зелёная трава уходит. Вокруг только серый пепел и дым. Валы стали выше. Они уже не представляют напоминание о прошлом. Теперь это оборонительное сооружение, увенчанное крепостными стенами.

Местами они в огне. Дерево всё-таки склонно гореть. Местами обвалены или пробиты. Ворота сломаны. Едкий запах дыма и гари.

Реальность опять мелькнула. Мы вновь на поросшем высокой травой лугу, взираем на остатки древнего города.

Вместе с нами наблюдает нечто. Лихо нашло и сюда дорогу.

Лиху не нужна реальность. Лихо сильнее во тьме.

Словно по щелчку пальцев реальность снова перешла в другую форму. Это одно и то же. Как у вещества – разное агрегатное состояние: твёрдое, жидкость, газ, плазма.

За пробитыми и опалёнными стенами всё ещё прячутся духи. Они в страхе смотрят на нечто, молчаливо взирающее на них по ту сторону крепости.

Бестелесны и бесформенны. Напуганы и находятся в замешательстве. Тьма направилась к воротам. Духи не знают, что делать. Они не могут уйти отсюда. Стены этого города не спасли его жителей много лет назад, не помогут они и сейчас.

Нечто остановилось у входа. На секунду показалось, что оно не может пройти. Однако это заблуждение. Лихо может пройти где угодно.

Первым был разорван на куски ближайший дух. Без всякого удовольствия Лихо поглотило его целиком. Затем следующий. Ещё и ещё.

Некоторые духи пытались спастись, но, запертые внутри своей умершей обители, не могли пересечь стены города и были обречены на погибель.

Некоторых взяла оторопь, и они приняли свою судьбу спокойно. Другие же даже с благодарностью, ибо их заточение окончено.

Через какое-то время всё было кончено. В остатках города не осталось ни души. Только Нечто стояло в центре – месте, которое раньше было городской площадью, и молчаливо взирало на окрестности. Как всегда. Молчаливо, спокойно, беспристрастно.

Лихо было сыто.

5

Разбудил меня назойливый будильник. Шесть часов утра. Лениво потянувшись, я просунул руку под кровать и достал телефон, который разрывало весёленькой музыкой.

Предполагалось, что это будет стимулировать меня быстро проснуться. Проснуться – возможно, но не встать. Хотелось поспать ещё. Я сделал волевое усилие и поднялся, предварительно отключив будильник в телефоне.

Моя супруга ещё лежала. Будильник разбудил и её, но она ставила свой, который должен был зазвонить минут через десять после моего.

Это совсем маленькое время она использовала для того, чтобы разбудить свою спящую силу воли, которая оторвёт её ленивую задницу от тёплой и мягкой постели.

По крайней мере, она так думала.

Далее – всё по отлаженному на протяжении многих долгих лет сценарию. Туалет. Ванна с душем. Гигиена полости рта. Кухня. Лёгкий завтрак с кофе. На всё про всё – не более часа.

Пока я завершаю очередной этап с душем, моя жена встаёт и в точности повторяет этот цикл. У меня есть фора минут в пятнадцать.

В итоге мы встречаемся на кухне, завтракая. Говорим мало. Голова ещё не на месте после долгой ночи. Весь день в

дороге всё-таки.

Несмотря на то, что нам удалось поспать на подъезде к Москве, полноценным отдыхом это назвать трудно.

Мозг как вата.

Душ и кофе немного приободряют. По прошествии времени, спустя многие годы, я уже и не могу сказать точно, что это: привычка или ритуал.

Просто так принято у успешного человека в столице. Ну или не очень успешного. На худой конец у человека, который хочет стать успешным.

Живём мы не в самой Москве, а в одном из многочисленных пригородов. По факту это и не Москва уже. Так называемое Замкадье.

И тот факт, что до центра столицы нам добираться даже быстрее, чем многим, кто живёт в самой столице, не играет никакой роли.

Фактически и юридически Московская область Москвой не является. Пожив долгое время в своём родном городе и перебравшись поначалу в «столицу», я заметил разительную разницу между своей родной Кацапетовкой и подмосковными пригородами. Чистые улицы, большие дома, ровные дороги...

Однако спустя какое-то время я уже начал замечать, как же сильно такие города отличаются от настоящей столицы. Не той, которую росчерком пера сделали географически Москвой, присоединив часть Московской области, гранича-

щей с Калужской, а той самой, златоглавой, о какой поётся в песнях.

Хуже было то, что столица отличалась от пригородов не в пользу последних.

Как бы вам объяснить? Ну вот, например, сейчас мы поедим, оденемся и направимся к выходу.

Работаю я в пределах третьего транспортного кольца на серой ветке. Жена моя работает в пределах Садового кольца, на Пушкинской.

Для того, чтобы добраться до работы, мы можем использовать электричку. Но вокзал далеко от нашего дома. Летом ещё возможно дойти до него пешком, потратив минут двадцать, но большую часть времени в регионе холодно: снег, дождь или слякоть. Я не могу прийти абы в чём на работу. Хотя некоторых моих сотрудников это не останавливает, однако я руководитель среднего звена, поэтому должен соответствовать своему уровню. Значит, мне нужно ехать на маршрутке. Билет до вокзала – 30 рублей, и электричка – ещё столько же. Итого – 60 рублей, чтобы уехать из города в столицу. 120 рублей туда-обратно.

Но и тут есть нюанс: электричка приходит на вокзал, соответственно, мне надо ехать ещё на метро, так как моя работа не на вокзале. Это ещё 110 рублей в день, или 76, если покупать карту «Тройка», или 1900, если брать 60 поездок сразу. Можно такие же проездные купить и на маршрутку (1300 рублей), и на электричку (1500) рублей. Таким обра-

зом, на проезд в месяц я бы тратил 3700 рублей. Но моя жена тоже едет на работу – умножьте это число на два. 7400.

Помимо этого, с такими поездками сопряжён фактор дискомфорта: толпы людей в электричках, метро и маршрутках.

Есть способ проще. Автобус. Он едет сразу до метро, при этом имеет проездной за те же 1500 рублей в месяц, таким образом, мы экономим 1300 рублей на маршрутку до вокзала и исключаем ещё один фактор дискомфорта – электричку.

Но и тут есть нюанс: в автобусе тоже тесно, и идет он по определённом маршруту, используя дороги общего пользования. На электричке я точно знаю, что, сев в неё, допустим, в 7:30, в 8:00 буду на Савеловском вокзале. С автобусом такого не происходит, ибо пробки.

Утренние пробки Москвы – это, конечно, «Нечто». Если вы из маленького уездного города, вам не понять. Можно часами стоять в пробках по городу, на МКАД, на основных шоссе, на Садовом кольце, на ТТК и т. д. Мой рекорд – шесть часов в пробке на МКАД. Коллега рассказывал о том, что он один раз стоял 8 часов.

Поэтому мы с женой используем другой способ передвижения. С утра мы садимся в машину и едем к метро на ней по дороге, на которой общественный транспорт отсутствует. Так называемая Северо-Восточная хорда от Дмитровки до Шереметьева. Двадцать минут до метро, потом минут десять на поиск бесплатной парковки, потом уже метро. В неделю я трачу 1000 рублей на бензин, ибо моя машина не жрёт

его как не в себя. Но и удобства и комфорт передвижения несравнимы в разы.

Хотя по-хорошему сюда бы ещё включить расходы на уже не новую машину: техобслуживание, мелкие ремонты, ремонты покрупнее, крупные ремонты...

Конечно, в идеале надо из этого города уезжать. Просто платить арендодателю чуть больше (тысяч на десять) и жить возле метро.

К этому выводу мы пришли только спустя несколько лет проживания в пригороде.

Поймите, когда ты только приезжаешь из уездного города в округ столицы, много вещей не видишь и не воспринимаешь жизнь с точки зрения местного жителя.

Твои установки не дают влиться в струю. Многие вопросы не дают ответов: зачем тебе машина, когда ты тратишь на её содержание ползарплаты, если посчитать на круг (ТО, страховки, ремонты и т. д.). А всё потому, что статус и друзья из Кацапетовки не поймут. Вот Ваню в Москву уехал. Начальник юротдела, а пешком ходит. Лох, что ли?

И так во всём. Зачем вообще ездить в Кацапетовку? Ты же уже уехал оттуда. Если так хочется приехать, возьми такси, автобус, самолёт, авто в аренду. Это же раз в полгода. Всё равно дешевле, чем собственное авто.

Здесь же, в Москве, такое понятие, как «понты», стремительно уходит куда-то, растворяется временем. Отчасти из-за того, что город очень богатый.

Как только выходит презентация новых мерседесов в Европе, на следующий день они уже колесят по Москве. Ввиду этого теряется смысл в этом пафосе. Для того, чтобы «понтоваться» такими вещами, нужно иметь действительно эксклюзивные машины, телефоны, яхты, самолёты и так далее. В основном здесь всем всё равно.

Но я пока жил в пригороде. Сел с женой в машину и поехал в сторону станции метро «Петровско-Разумовская». Вместе со мной одновременно на работу стекались мои начальники и подчинённые.

6

Виталя проснулся рано утром от того, что проклятый будильник неугомонно трезвонил ему на ухо. Вчера, ещё будучи абсолютно трезвым, он включил его для того, чтобы не опоздать на работу.

Такую нелюбимую, такую нервную, но...

Там ему платили деньги. Деньги, на которые он мог снимать эту комнату в общежитии и покупать себе алкоголь в бесконечных количествах.

Голова болела очень сильно. Вчера выдался трудный день. Выходной. Проснувшись как обычно, Виталя сбегал в магазин и купил себе всяких всякостей: водки, пива, чипсы, ром, нарезки колбасы, куриных крыльев и немного запивки.

Он хотел отдохнуть. Не то чтобы он очень сильно уставал физически или ментально. Правда была в том, что устал он духовно. И устал он от такого образа жизни. Однако, как это часто и бывает, проблему Виталя не признавал.

Усевшись после своего похода в магазин перед компьютером, наш «пациент» начал активно наливать себе горячительные напитки, слушать музыку в наушниках и, самое главное, обсуждать самые животрепещущие вопросы существования мира.

Настолько важные, что, казалось, не обрати он на них своё внимание, всё тотчас рухнет.

Как фараон в Древнем Египте весной кидал свиток пергамента в Нил. На свитке были надписи, повелевающие реке разлиться и орошить близлежащие земли водой, сделав их на сезон плодородными.

Естественно, если бы фараон пропустил этот обряд, реку Нил это бы не остановило от разлива, но сила веры – штука такая.

Так и здесь. Война на Украине, Сирия, Венесуэла. Виталик участвовал в обсуждении самых жёстких тем. Везде вставлял своё слово. Безусловно, его точка зрения имела значение. Кто, если не он?

Так шёл час за часом. Стакан за стаканом. Дискуссии скатывались в перебранку, которые становились словесными оскорблениями. За всем этим следовали баны. Без разбору. Неважно, кто какую позицию отстаивал. Был ты за Путина или нет, алкоголь делал своё дело.

Благо количество групп в соцсетях, паразитирующих на таких больных темах, зашкаливало, поэтому баны Виталика не останавливали.

Если бы на него обратил внимание Кремль, или Госдеп, или Армия свободного освобождения Зимбабве (если такая существует), Виталик всенепременно получил бы медаль. Или две. Грамоту от президента и отпуск домой в родную деревню.

Но, увы, пока что диванным войскам орденов не выдавали.

Нет, молва, конечно, ходила, что при Кремле или Госдепе существуют специально обученные подразделения, которые за плату ведут подобные «беседы», поднимая рейтинг власти или опуская его.

Но Виталья был точно не таким. Он был идейным.

Последних его сил вчерашней ночью (или глубоким утром) хватило лишь на то, чтобы из компьютерного кресла доползти до кровати, которую он предусмотрительно не убрал утром, закурить сигарету и вырубиться.

И утро было очень тяжёлым. Голова была не на месте. Боль была беспощадная.

Сделав над собой неимоверное усилие, Виталик попытался встать с кровати. Сначала он опустил на пол одну ногу.

Раздался скрежет гнущего пластика. Пол был усыпан пустыми бутылками из-под алкоголя, пачками чипсов, использованными салфетками и костями от куриных крылышек.

Наверное, Витале было лень относить объедки в урну, поэтому в какой-то момент он начал кидать их туда. Сначала они долетали (комната небольшая). Затем градус алкоголя в крови повышался. Точность падала...

«Какой бардак», – подумал наш герой своим израненным от алкоголя разумом.

Так он сидел какое-то время, уткнувшись носом в пол. Ну или в то место, которое укрывал мусор.

В дверь внезапно постучали.

– Виталий Александрович! Откройте немедленно, – это

был голос коменданта.

По идее, мысли о смене жилья посещали голову нашего героя. Всё-таки тотальный контроль он не любил. Но он так привык к этой ситуации. Да и ему так было лень что-то менять.

Иногда он приходил в комнату после работы с явным желанием начать обзванивать объявления и искать отдельную квартиру, но после употребления бутылки пива все тревоги улетучивались. А пил Виталик постоянно.

– Да, да, Марина Петровна, сейчас.

Он поплёлся к двери.

Лишь только замок открылся, как в комнату влетела бешеная комендантша.

– Вам вчера стучали в дверь всю ночь. Вы напились и музыку не выключили!! – орала она.

– Я был в наушниках, – парировал Виталя.

– Поначалу, видимо, да, но затем вы орали там сидели: «Бандера недобитая» – и музыку включили на полную. Потом крики прекратились.

– А почему тогда сейчас тихо? – недоумевающая, спросил наш пациент.

– Мы вам свет выключили в щитке. Соседи на вас злые. Как же воняет у вас тут. Мусор, беспорядок!

– Да, да, да, – задумчиво отвечал Виталик и выпроваживал бешеную бабу за дверь. С этим надо аккуратнее. Купит ей шоколадку потом. Вечером. Если не забудет.

– Прекращайте пить уже! Виталик, вы же совсем молодой ещё, – причитала комендантша. – Вы же живёте в хлеву!

– Иисус Христос родился в хлеву, – резко парировал наш герой.

От таких речей лицо женщины побледнело, глаза закатились.

– Да как вы смеете! – она взорвалась. – Хам, нехристь, еретик!!!

Визг стоял знатный. И это действовало на нервы Виталику, ибо голова так и не прошла. Пришлось применить силу. Легонько он толкнул женщину в дверной проём и резко закрыл дверь на ключ. За дверью раздавались крики. Комендантша стала долбить в неё, но, поняв, что это бессмысленно, ретировалась.

Виталику надо было немного опохмелиться пивком, почистить зубы и принять душ. Затем его ждала работа.

Колесо жизни сделало поворот и вернулось в изначальную позицию.

Галя проснулась очень рано. Минут за двадцать до того, как зазвонит будильник. Ещё бы, ведь ей же нужно на работу, а путь не близкий.

Будучи очередной «понаехавшей из-за МКАДа», девушка жила у родной сестры своей бабушки в старом районе Мытищ.

Квартира была тесная и неудобная. Но это ещё полбеды.

Два фактора не давали покоя Галине: сестра бабушки, у которой были проблемы с разумом на старости лет, и двоюродная сестра, также приехавшая покорять столицу, которая так же жила здесь.

Сказать о том, что это было невыносимо, – не сказать ничего. Причём невыносимо это было для всех обитателей скудной жилплощади.

Бабуля, поехавшая головой, забывала имена внучатых племянниц и часто путала их с ворами.

Двоюродная сестра не имела никакого образования, но имела эффектную, хоть и деревенскую внешность. Соответственно, вопрос о том, как она хотела добиться хорошей жизни для себя в столице, отпадал со всеми вытекающими: бесконечные пьянки, гулянки, «женихи» из разряда «поматросил и бросил» – и вот это вот всё.

Галина спала в комнате с бабушкой, в то время как дво-

юродная сестра оккупировала кухню, из которой доносился громкий храп. Вчера ночью Женя опять перебрала с алкоголем.

Галя попыталась встать тихо, чтобы не разбудить бабушку, но тщетно. Бабуля уже проснулась и сидела на своей кровати в халате, уставившись на внучку.

Взгляд её, пустой и безумный, заставил девушку съёжиться от дискомфорта.

– Ты кто? – недоумённо спросила бабушка.

– Баба Саша, это же я, Галина, внучка сестры вашей – Варвары.

– Внучка? Варвары? – казалось, разум на секунду вернулся в тело старухи. Впрочем, выяснять это не было никакого желания.

На работу – к девяти часам. До электрички – двадцать минут по пробкам на маршрутке. Потом полчаса – до станции метро «Комсомольская», потом ещё – минут двадцать до работы. И это, не считая пеших переходов.

Утомительно.

Но выхода не было. После института в родном городе работу по специальности, оказалось, найти сложно. Да и в Москве не легче.

Денег на жильё нет. Связей нет. Опыта нет. Знаний тоже нет.

Галина была согласна на любую работу, которая дала бы ей вождеденный опыт. Повысив свои квалификационные на-

выки, она смогла бы уже рассчитывать хоть на какую-то зарплату.

А пока...

Мама позвонила бабушке, которая позвонила сестре, и завертелось.

Утро – электричка – работа – электричка – квартира бабушки – сон. Колесо какое-то.

Иногда, конечно, её посещали мысли найти какого-нибудь богатого и красивого молодого человека из столицы, но, в отличие от своей сестры, Галя прекрасно понимала, что это не так просто.

Она тут никто. Вот и всё. Надо иметь какой-то багаж за плечами. Хоть как-то делать себя потихоньку, и, быть может, тогда на неё обратят внимание.

Да что говорить, она и туфли на каблуках носить толком не умела.

Один раз в офисе девушка встретила супругу своего директора. Дама без возраста, подъехавшая к зданию на белом БМВ. Да, она была немолода, но всем своим видом показывала, что является не просто бабой, женщиной с соседней улицы, но настоящей леди.

Одежда, подобранная со вкусом, причёска, которая так идёт её лицу. Макияж неброский, но аккуратный. Дорогие духи...

А походка! Видели бы вы её походку. Как она вышагивала от бедра, и каблочки цокали в такт её вздымающейся груди.

Вот о чём мечтала Галя. Почувствовать себя так же. Она думала, что все эти тяготы и лишения, которые ей выпало временно перетерпеть, всенепременно приведут её к такому же статусу.

Но для этого нужно немного поработать над собой. Чем она и решила заняться сегодня... завтра и послезавтра и собралась на работу.

На кухне ей необходимо было совершить очередной «квест»: дыша перегаром, прокрасться на цыпочках, чтобы не разбудить спящую сестру, поставить чайник и выпить быстрорастворимый кофе. Без этого ритуала, казалось, день не начнётся.

Галя пыталась не шуметь, как могла, но кухонная дверь предательски скрипнула.

Впрочем, действия не возымели эффекта: Женя не спала. Она сидела на матрасе, расстеленном на полу, запачканная тушью и помадой, и тихо плакала.

При виде несчастного состояния двоюродной сестры весь негатив Гали улетучился. Появилось некое подобие жалости. Девушка вошла и оперлась спиной о стену.

– Что, опять?

Больше вопросов не требовалось. Они проходили это много раз.

Плача навзрыд, Женя мямлила заезженные до дыр фразы:

– Он такой красивый был, богатый. На дорогой машине. – Речь её прервалась, и она залилась горьким плачем. – Повёз

меня к себе. Квартира большая, богатая.

Далее объяснений не последовало. Всё и так было ясно.

Галя присела на корточки и обняла сестру.

– Учиться тебе надо. По тебе же видно, что ты колхозница. Вот они и пользуются. Не будут никогда ребята из другого общества на таких, как мы, жениться. Ты для них лёгкий способ бесплатно провести время.

– Ну, ты-то у нас не такая, умная, – выпалила из себя Женья и сорвалась на плач.

Галя не ответила, но в душе ей было приятно. Конечно, она не такая. У неё была цель, и она ей следовала.

– Строит из себя умную, а денег шиш. Охмурила бы давно начальника, авось бы премию платили.

О начальнике она рассказывала сестре как-то вскользь. Он ей нравился как мужчина. Красивый, подтянутый, умный, профессиональный. Но женат. А с женатыми Галя зареклась дел больше не иметь. Она решила, что будет нарабатывать опыт, учиться работать, изучать что-то новое. И если на этой работе её успехи не будут отмечены, то она с лёгкостью найдёт другую.

Отношения с начальником она не рассматривала в принципе. Тем более ради сомнительных предпочтений.

– Поумнеть тебе надо, Жека. Поумнеть... – вот и всё, что она ответила сестре в итоге.

8

В совещательной комнате собралось всё большое и среднее руководство организации, кроме генерального директора.

Собравшиеся сидели за овальным столом. Каждый – строго на своём месте. Места не были подписаны или регламентированы каким-либо приказом. Это, скорее, было негласным правилом. Какая-то пресловутая иерархия. Место директора – в центре. Во главе стола. По правую руку от него – вторые лица, они же замы, заместитель по капитальному строительству, он же – главный инженер, по левую – главный бухгалтер. Далее по обе стороны, по порядку, в зависимости от того, кто подчинялся этим двум замам, – подчинённые начальники подведомственных отделов. За главбухом – плановики, экономисты, экономическая безопасность, финансисты, закупки и общий отдел. Общий отдел по каким-то причинам был подчинён главному бухгалтеру ещё давным-давно, до моего прихода в организацию. Связано, скорее всего, это было с тем, что они отвечали за переписку, учёт документов и курьерскую службу. Ну и документы на подпись и приказы по организации. Всё проходило через них. Таким образом, главный бухгалтер был всегда в курсе происходящего в организации, негласно контролируя все движения в конторе. За давностью лет уже и нельзя было сказать: при-

вилегия это или право. Или, быть может, приз, вырванный с кровью несколько лет назад в погоне за властью.

Не надо относиться скептически к власти. Любая власть, даже самая маленькая, опьяняет. Чем больше человек у неё находится, тем больше мы его теряем как личность.

За годы работы у меня накопилось очень много историй из личной практики, когда всё шло наперекосяк только потому, что власть имущие не могли сказать вовремя «стоп» самим себе.

В какой-то момент у них просто срывало планку, море становилось по колено, и проблемы «смертных» их резко переставали волновать.

Проблема была в том, что всё это происходило только в их мозге. В реальности они всё ещё были людьми, распиливающими бюджет, нарушающими законы, не выплачивающими заработную плату сотрудникам и укрывающимися от уплаты налогов.

Вот тут-то сказке и приходил конец.

Так вот...

За главным инженером сидели, соответственно, сметчики, инженеры, охрана труда, всякие строители, айтишники, завхозы и прочие. С другой стороны овального стола, напротив директора, сидел я. На мне и замыкались службы главного бухгалтера и главного инженера.

Сложно сказать, как так получилось. То ли мне это место досталось от предшественника, то ли я сам его занял.

Впрочем, это отражало суть ситуации. Юридическая служба подчинялась директору лично, отвечая только перед ним. Все у нас просили совета, и мы разгребали тонны правовых казусов в организации, а также бесконечные косяки каждого сотрудника.

Особая прелесть была в том, что решение за директора мы не принимали, только давали советы. Негативная же сторона медали заключалась в том, что мне и моему отделу приходилось контролировать любую структуру по поручению директора ежеминутно. И это утомляло.

Во-первых, потому что все сотрудники организации постоянно «косячили». И все эти косяки нужно было решать нам. И тут основная мысль, которую вы должны уяснить, в том, что большая часть этих косяков являлась уже свершившимся фактом.

Водитель фуры напился вечером, утром с похмелья вышел на работу. Авария, ДТП и так далее. Виноват водитель, виноват специалист, который его выпустил на линию, виновата контора, в конце концов.

И тут надо думать. Надо доказывать, что не виноват, а если виноват, то уменьшать размер ущерба, оспаривать суммы выплат и так далее.

Не просто это – убедить судью, что «этот алкоголик не виновен, потому что»...

Но мы старались, конечно. Благодаря тотальной безграмотности населения в тонкостях юридических вопросов по-

ле для манёвра у нас было широкое.

Например, сотрудники полиции не зафиксировали должным образом факт опьянения. Или неправильно зафиксировали факт ДТП: составили протокол, не позвали свидетелей или понятых.

В этом ключе любое дело можно было повернуть в самом выгодном для себя свете.

Через пять минут нашего пребывания в зале совещаний дверь отворилась и вошли два человека.

Первый – полный, грузный мужчина в дорогом костюме. Рукава костюма были немного коротки, но это было сделано специально, чтобы окружающие могли лицезреть часы «Эпл Вотч» последней модели и самой дорогой модификации.

Носитель сего наряда пытался докричаться до зрителя, мол, смотрите, я не только средства имею, но и не чужд новых технологий.

Лет ему было сорок восемь. Рост средний. Немного толстый. Как это полагается, с пивным пузиком.

За ним, быстро семеня, зашла щуплая девочка лет двадцати. Она несла с собой огромную кипу бумаг, всяких папок, планшетов и блокнотов.

Красивое и правильное лицо её обрамляли причудливые большие очки, которые скрывали всё великолепие.

Вообще весь внешний вид девушки выдавал в ней человека, именуемого в нашем «прекрасном» обществе словом «ботан».

Как вы уже поняли, в зал заседаний явился директор и его личный секретарь.

Всеим своим видом мужчина показывал озабоченность, напряжённость и нервозность.

Он занял место в центре стола, напротив меня. Секретарь расположился в углу комнаты. Там у него было отдельное место со столом и компьютером, куда он вносил всякую информацию: результаты совещаний, проверок отделом, – а также брал на карандаш поручения директора и наказания провинившихся.

Мужчина взял паузу, глубоко набрал воздуха и начал говорить:

– Господа. Я вас приветствую всех. Заранее прошу простить данное нештатное мероприятие. Я знаю, что многие наши сотрудники были вынуждены прервать свой отпуск по моей просьбе. Я сожалею.

И это была ложь, конечно же. Ему было всё равно. Его интересовали только свои амбиции и желания.

– Так вот. Буквально на днях я имел разговор с нашими благодетелями, – он всегда так выражался про своих друзей из министерства, которые подкидывали ему «сладкие» заказы, – и они дали утвердительный ответ по факту нашего огромного желания выступить подрядчиком на стройке Резинского ядерного хранилища.

Директор замолчал. Наверное, он думал, что по залу пойдут восторженные возгласы, шёпот и прочие незамыслова-

тые проявления эмоций, выражающие наше одобрение и восторг от его новости.

Правда была в том, что всем было всё равно. Я даже был немного разочарован. Дело в том, что друзья директора обещали порой много. И большая часть этих обещаний оставалась только в устном выражении, ну, или в крайнем случае на бумаге.

Нам «предлагали» строить хранилища ядерных отходов, ядерные станции, полигоны хранения химических и ядерных веществ.

И главное, чтобы сумма контракта начиналась от 500 млн рублей. Это чтобы откаты иметь лучше и больше.

Этих людей мало интересовала техническая и юридическая часть вопроса. Их не волновало, что физически такая компания, как наша, такую работу выполнить просто не могла.

У нас не хватало людей, не хватало разрешений, не хватало техники и специалистов для такого масштабного строительства.

Но для директора это тоже был пустой звук. Раз нас зовут, значит, мы нужны. И точка. А всё остальное приложится: «бумажки» найдём у кого-нибудь, людей и технику возьмём в аренду, наймём субподрядчиков.

Обеспечение в банке нам «дадут друзья» директора. И всё в таком духе.

Попытки объяснить руководству, что, помимо дружеских

связей, у организации, претендующей на такой шикарный заказ, должны быть хоть какие-то ресурсы, натыкались на непробиваемую стену.

Андрей Степанович – директор нашей организации – был человеком, сформировавшимся в 90-е годы. И этим можно было бы заканчивать его описание.

Для таких людей всякие связи важнее материальных благ. Проблема была в том, что и связи его были никудышные. Я говорил об этом несколько раз ему в лицо. Мол, так и так, друг ваш – Сахар, как вы его называете, – балабол на букву «П». К отделу закупочному в министерстве отношения не имеет. От кормушки отважен и пытается на быстрых щах заработать денег.

Идея его в том, чтобы навешать лапшу на уши. Не получится – ладно, зато если получится... Вот тут-то его звезда и всходит. Ведь это он «помог». Это же его «победа».

Я просто хочу, чтобы вы поняли мою идею. Такие крупные объекты, которые просто с лёгкой руки власть имущих отдаются без всяких конкурентных процедур, в обход закона, требуют покровительства уровня министра или его зама. В этом случае успех возможно гарантировать.

В остальных же случаях это авантюра.

Потому что этот Сахар приведёт нас на конкурс, обещая покровительство. А какая-нибудь Соль из того же министерства приведёт своих. А Перец приведёт вообще двух.

И так далее. И тендер будет прогнозируемый.

Но вливаний потребует очень многих.

Просто чтобы подготовить пакет документов на участие в таком конкурсе, необходимо потратить миллионы рублей. Невозвратных средств.

А если это, например, не конкурс, а аукцион и смысл торгов в том, кто даст меньшую цену за контракт?

Я был свидетелем, когда начальная цена контракта падала на 70 %. С точки зрения строительства это могло быть убыточное предприятие.

Потом такие стройки, скорее всего, бросали или делали из «фекалий и палок». Естественно, это сказывалось на качестве строительства.

Но кого это волновало, когда перед глазами маячила перспектива сразу получить сотни миллионов прибыли?

Собственно говоря, в этой ситуации всё выглядело точно так же.

Я был зол, потому что меня вытащили из отпуска. Я должен буду в ближайшую неделю носиться как угорелый, делая бесполезную, скорее всего, работу.

Мне стало немного грустно.

Размышления прервал голос директора:

– Что-то не видно энтузиазма на ваших лицах.

Я взял слово. Вообще за словом я в карман не лез:

– Энтузиазм, Андрей Степанович, остался на строительстве Курской атомной станции.

По залу заседаний пронёсся смешок.

Все помнили эту ситуацию. Тендер на полтора миллиарда рублей. Мы купили три лицензии под него. Расширили свидетельство СРО до указанной суммы, достали, купили и подделали кучу бумаг. В итоге не получили ничего.

Нас обошла контора, которую двигал директор этой самой станции, а не друзья нашего генерального.

Поэтому шутка получилась чёрная, смешная и актуальная.

Андрей Степанович взял паузу, сделав вид, что не услышал моего высказывания:

– Что ж, раз замечаний ни у кого нет... Наташенька, – директор обратился к секретарю, – разошли под подпись начальникам отделов, присутствующим здесь, план мероприятий по участию в обозначенном тендере. Каждый будет делать свою часть бумаг для последующей передачи в отдел закупок.

Он подумал немного:

– Все свободны...

Сотрудники начали собираться. Вставать со своих мест и направляться к выходу. Я сидел на месте. Директор смотрел на меня в упор. Взгляд его не был добрым.

– Иван Олегович, – обратился ко мне директор через весь зал, – останьтесь, пожалуйста.

Сотрудники поспешили удалиться. Все понимали, что я сейчас получу нагоняй.

На выходе многие бросали взгляды сочувствия. Некото-

рые, напротив, смотрели надменно.

В этом не было чего-то необычного: как в любой организации, у меня были и друзья, и враги.

Я же был спокоен. Шеф был непредсказуем, и за годы работы я это прекрасно знал. Он мог сорваться за пустяк и, наоборот, тихо и спокойно обсудить серьёзные «косяки».

Шеф заговорил, когда в комнате остался только он сам, его секретарша и, собственно, я.

– Не понимаю ваш скептицизм, Иван Олегович, – сказал руководитель и многозначительно впери́л свой взгляд в меня.

Я не стал тянуть кота за хвост. Все эти «многоходовочки», которыми за последнее время обросла наша организация, мне порядком надоели.

– Да что тут непонятного, Андрей Степанович? – начал я. – Опять безумные идеи ваших знакомых... Наобещают, в итоге – пшик. Мне же сейчас одних бумаг собирать по отделам, готовиться... Парализуем работу всей организации на неделю. Это не говоря уже о тратах.

И тут я говорил чистую правду. Заявленный тендер предполагал, что участник имеет огромное количество разрешительной документации. Огромный штат сотрудников со всеми разрешениями, аттестатами и прочими «корочками». Многих у нас попросту нет. Что-то придётся делать. Ускоренно. Соответственно, это «что-то» будет стоить денег.

Начальник выслушал мою очередную тираду. Я заметил,

что в этот раз он слушает по-другому. С пониманием, что ли.

Какое-то время он молчал, а затем начал издалека:

– Видишь ли, Ваню, – лично на «ты» – в доверительных беседах он называл меня именно так, – я понимаю твои опасения, но в этот раз всё по-другому.

Не то чтобы он заинтересовал меня. У него всегда было «по-другому», на деле получался шиш.

– Чем же? – безучастно спросил я. – Послушайте, Андрей Степаныч, мы организация, которая может выполнять работы со всеми бумагами на сумму до ста миллионов рублей. Наберём три-четыре контракта в квартал – будем работать. Зачем эти авантюры?

Директор не ответил поначалу. Потом, казалось, он пропустил мою реплику мимо ушей.

– Так вот, – продолжил начальник, – сведения, которыми я располагаю, мне передали не наши друзья из министерства, а наши конкуренты. Ситуация интересная.

Эта информация уже была другого толку хотя бы потому, что раньше директор с конкурентами не якшался. То есть это было что-то новенькое.

– В «МеталПроме» – внутренняя война. Им отдали много министерских контрактов в своё время. С авансом, разумеется. Пока суть да дело, естественно, деньги пропали. Один учредитель бежал за границу, как принято. Второй пока здесь. Расхлёбывает последствия. Часть денег вернул из своих. С трудом их хватит на доделку.

Тендер проводился через министерский концерн «Сапфир-Прометей». Концерн больше денег не даст. Там у людей тоже шапка горит из-за этого дела.

Директор посмотрел на меня:

– В общем, нам отдадут конкурс без тендера. В кратчайшие сроки. У них там есть какое-то правило...

– Да, есть, – я перебил директора. – По своему положению они могут без конкурса выбрать подрядчика, если первоначальный подрядчик не доделал работы.

Я заинтересовался. Оставалось много вопросов, но ситуация действительно отличалась от тех, которые имели место ранее.

– Так вот, – продолжал директор, – у этого «МеталПром» всё ещё есть там какие-то друзья. Они отдадут тендер, дадут денег. Он отвлечёт таким образом внимание от своей персоны и сделает ноги. Мы же всё достроим.

– А что по деньгам? – спросил я.

– Это очень интересно, – ухмыльнулся директор. – Дело в том, что, так как в концерне запахло уголовными делами в связи с таким случаем, откаты отменяются.

Эта новость была ошеломляющей. Являлась ли она правдой? В нашем деле, в деле строителей, важно платить откаты. Без этого стройки не будет. Это не всегда были деньги. Очень часто – «помощь». Например, строим склад, так почему бы не отремонтировать ещё туалет?

И так далее. Ну и на даче начальников всяких что-нибудь

положить.

Один раз везли камень с Баренцева моря для укладки дорожек в Подмоскowie, на даче одного министерского деятеля.

Если же сейчас никто лезть в стройку не будет, это было бы интересно. Мы даже могли бы что-то заработать.

– И всё-таки, – я хотел расставить точки над «и», – почему именно мы? Таки «друзей» сотни. Выходишь на улицу и орёшь: «Кому денег, кому денег?»

Я пытался улыбнуться, сведя всё к шутке, но получилось плохо.

– Допустим, не сотни, – парировал шеф, – и уж тем более не тысячи. Опять же бумажки у нас все есть.

Под «бумажками» шеф понимал всякие лицензии, свидетельства, сертификаты и так далее. Короче говоря, весь тот объём документов, позволяющий осуществлять сложные работы на территории страны. И чем вид работ сложнее, тем «бумажек» надо больше.

Интересный момент был в том, что большая часть так называемых бумаг была всего лишь юридической фикцией. И не имела под собой реальных объёмов рабочей силы или материальных ресурсов, позволяющих осуществлять работу. Говоря простым языком, все эти лицензии просто были куплены за реальные деньги у определённых посредников, входивших в государственные органы, которые данные бумажки и раздают.

Поэтому, кроме денежных средств, по сути, наша организация никаких затрат не несла – не нужно было раздувать штат специалистов, проходить аттестацию и так далее и тому подобное.

Отсюда и возникло такое выражение: «купить бумажку», означавшее, говоря юридическим языком, «осуществить ряд организационно-технических мероприятий, направленных на получение лицензии на определённый вид работ, позволяющей выполнять те или иные работы на территории Российской Федерации».

– И, если уж говорить совсем прямо, – продолжал босс, – не такие уж мы и чужие. Ну, наступили они нам на яйца пару раз...

Директор задумался, и я добавил:

– Десять раз.

– Ты, что, считаешь? – хитро спросил шеф.

– Конечно, у меня же из премии вычитают. Такое запомнишь.

Андрей Степанович улыбнулся.

– Так что же не так? – конечно, я понимал, что в чём-то подвох.

– Подвох в том, что в обход «МеталПрома» министерские мутят свою контору. И тоже хотят отдать ей контракт. Силы не сильнее наших, но сопоставимы. Тендера не будет, но в узком кругу представители руководства концерна соберутся и будут выбирать того, кому отдадут контракт. И будут смот-

реть квалификацию, бумаги, людей. Всё будут смотреть.

Ситуация прояснялась. Бумаги нужно было подготовить идеально. Даже это не гарантировало победу. Будущее было туманно.

– Пойми, Ваню, – обратился директор ко мне с мольбой, – такой шанс упускать нельзя. Всё зависит от тебя. Только ты можешь организовать отделы и собрать правильный пакет бумаг. Других-то нет!

Была ли это театральная игра, или он говорил искренне?

– Бухгалтерия завалена бумагами. У них там крышу рвёт. Им некогда. Айтишники – разгильдяи. Работяги, – так он называл инженера и все его службы, – накосячат в деталях. Остаёшься ты.

Значило на самом деле это всё вот что: «Будешь работать от рассвета и до заката и ещё немного и всё сделаешь. Если обосрёшься, тебе конец».

– Перспектива-то не радужная, – заметил я вслух, – шишки-то все мне, получается.

– Со щитом или на щите, – развёл руками директор.

– А со щитом – это как? – не унимался я. Вошёл в азарт.

Директор открыл блокнот, который лежал у него перед собой, вырвал оттуда бумажку и написал на ней что-то, после чего протянул мне.

– Премия будет, – он улыбнулся.

Я взглянул на записку.

Один миллион рублей...

Мне поплохело. Это были большие деньги. Этой суммы было достаточно, чтобы решить с моей женой наши репродуктивные проблемы. Это то, ради чего я действительно мог бы напрячься.

Я поднял взгляд на него и спросил:

– Какой у нас срок?

– Неделя, – ответил шеф.

Я встал, взял бумажку со стола, бережно положил её в карман и вышел.

Мысли путались. Надо было всё успеть.

Как только я покинул совещательную комнату, на меня сразу налетела Валентина Павловна. Полная невысокая женщина лет сорока пяти. Кадровичка.

Среди сотрудников она запоминалась в первую очередь тем, что во время различных корпоративных вечеринок напивалась и твердила всем, что ей не хватает секса.

Впрочем, серьёзно это никто не воспринимал. Мало было людей, способных осмысленно воспринимать что-либо в такие моменты.

Я ловил себя на мысли, что в этом, собственно, и был её расчёт: сделать так, чтобы хотя бы на этом корпоративе секса у неё стало больше. Воспользоваться, так сказать, упившимися коллегами мужского пола или женского. Я не разбирался в её сексуальной ориентации.

Возможно, у неё даже пару раз получалось.

Мне было всё равно. Уже три года, как я вовсе не пил. Даже на торжественных мероприятиях.

– Иван Олегович, – истошно крича, накинулась она на меня, – ЧП!

Я медленно и аккуратно отстранился. Спокойно посмотрел ей в лицо и натянул снисходительную улыбку.

– Дышите, Валентина Павловна, – тихо сказал я, – что стряслось у вас?

Женщина опешила и прекратила дёргаться. Я воспользовался минутой её замешательства и повысил голос:

– Что происходит у вас тут, Валентина Павловна? Что вы так кричите? Только совещание закончили, а вы тут уже. Что-то срочное?

Казалось, она взяла себя в руки.

– У нас ЧП, Иван Олегович. Хозяин звонил вчера.

Хозяином мы все негласно называли учредителя нашей конторы. Геннадия Антоновича. Он редко появлялся в офисе. Строго говоря, его мало интересовали наши потуги на строительном поприще. Он просто получал прибыль и в дела даже особо и не лез. Но иногда случался форс-мажор. Я подозревал, что сейчас был такой момент.

Кадровичка продолжила говорить быстро и тихо. Во время разговора она смотрела мне в глаза и заговорщически шурила свои. Это выглядело смешно, но я постарался держать серьёзную мину на лице.

– И он мне говорит: «Придёт от него человечек. Друг друга. Взять на работу его, мол, так и так. Инженером. Оклад – минималка». Ну, я для профформы объявление вывесила на сайтах, чтобы не выглядело как липа. Сижу, жду звонка. Сегодня позвонили, мол, на вакансию, так и так.

Она глубоко вздохнула.

– А я и не спросила: какую вакансию, что, как? Ждала же человека? Вот и дождалась. «Приходите», – говорю. Через час пришёл.

Валентина Павловна замолчала.

– И что? – спросил я. – Что было дальше?

– Пришёл какой-то мужичок. Ни то ни сё. Я думаю: ну мало ли там хозяину что в голову взбредёт. Дала заявление ему писать, чтобы принять на работу. А он...

– Что? – меня начинала интриговать эта ситуация.

– Вот! – выпалила кадровичка и вручила мне заявление о приёме на работу.

На обычном листе белой бумаги строго по установленной форме красовалось: «Прошу принять меня на работу на должность...»

Я прочитал название должности. Поднял взгляд на Валентину Павловну. Она в ответ закивала головой.

Это была шутка, чёрт побери, и я начал смеяться, как лошадь.

Какое бы негативное настроение у меня ни было, его сняло рукой.

«...на должность Повелителя Повелителей с окладом согласно штатному расписанию».

Я смеялся и смеялся.

Меня прервала кадровичка:

– Да перестаньте вы! Это не смешно.

– Да как же не смешно, голубушка? Это же треш какой-то. Выгнали бы его из кабинета, и всё. Хозяину звонили?

– Звонили, – поспешила ответить женщина, – это вообще не его человек. Тот передумал и не придёт к нам работать.

– Так в чём же дело? Решили меня порадовать в первой половине рабочего дня? – Улыбка не сходила с моего лица.

– А в том, что должность-то он на сайте нашёл. Говорит: «Выложили – я пришёл. Вот он я».

– Валентина Павловна, – напутственно я начал свою отеческую речь, – объяснили бы ему, что это случайная опечатка, что должность – инженер, и он нам не подходит по квалификации и вообще. Какие у него должностные обязанности там в вакансии? Что он делать будет? Право, это даже смешно. Такой пустяк.

Кадровичка опять зашипела:

– Не пустяк это, Иван Олегович, проверила вакансию, всё так: и должностные обязанности, и всё такое. И в штатном расписании у нас эта должность есть и должностная инструкция даже.

Картина начинала складываться.

– Понятно, – промычал я. – Вы его выпроводили всё-таки?

– Ну, конечно, выпроводила! Но я знаю, чьих это рук дело, Олег Иванович! Директор узнает, вас ведь по миру пустит, разнесёт. Идите и усмирите там своих клоунов.

– Одного клоуна, – посетовал я. – Девочки – умнички.

– Девочки всегда умнички, – женщина вздёрнула нос, резко развернулась на каблуках и пошла в сторону своего кабинета.

У меня же в руке остался лист бумаги, на котором зауряд-

ным шрифтом, от руки было написано: «Прошу принять на работу на должность Повелителя Повелителей».

И это было смешно и грустно одновременно.

Эдакую шалость проделал мой младший юрист – Виталик. Парень только окончил вуз, прибился к нам. Очень голова-стый, но... Проблемы у него были личностного плана. Алкоголь, меланхолия. Стержня ему не хватало.

Он проживал в общежитии. Заработную плату получал не очень большую, но, по моим прикидкам, её должно было хватать на жизнь. В его возрасте можно было даже откладывать.

Но это было слишком сложно, и он топил свои неудачи в алкоголе. Все были виноваты, но не он.

Виталик пытался понравиться девушкам, но совершенно не имел никаких навыков коммуникации с ними. Даже девочки из моего отдела смотрели на него с пренебрежением.

Мне он был нужен, потому что умел делать такие штуки с компьютерами и документами. Ну как вот этот Повелитель Повелителей. Это было полезно. Но какой талант он пропивал... Я думаю, в будущем это ему откликнется.

Я пытался поговорить с ним, но он всё переводил в шутку. Шутки, от которых смеялся только он, у остальных могли вызвать разве что недоумение.

Особенно смешно смотрелись его отношения с Галей – ещё одним юристом отдела. Красивая девочка на самом деле. Аккуратная и внимательная к деталям. Это важно в нашей

работе.

Иногда я ей даже сочувствовал: какие же муки она переживала от так называемых «ухаживаний» Виталика!

Для него высшей похвалой, казалось, было отпустить сальную шуточку в её адрес.

Ещё бы, родившись в конце 90-х, парень вырос на тупых сериалах, фильмах с туалетным юмором и идиотских шутках.

Возможно, он пытался так выразить свои хорошие чувства, в которых на самом деле не было ничего плохого. Но не умел. Не умел, как мог. Это было печально.

Вот и сейчас, подойдя к двери нашего кабинета, я слышал очередные нелепые «игры амура».

– Галина Сергеевна, – обратился Виталик к девушке, – а я знаю про вас один секрет.

Комната нашего отдела состояла из двух кабинетов. В одном находился лично я: мой личный стол, компьютер, несколько кресел для небольших совещаний. В другой – остальные сотрудники. Четыре рабочих места. По одному в каждом углу. Стол Галины находился напротив стола Виталика. Недоразумение. Впрочем, работе это редко мешало. Обычно его шуточки имели место, только когда в кабинете, кроме них двоих, не было никого.

Вот как сейчас. Я был на совещании. Марина уехала в суд. А Маша была в отпуске. Не всех же отозвали.

– Какой секрет? – ответила Галя уставшим и нервным го-

ЛОСОМ.

Медленным громким шёпотом Виталик промолвил:

– Вы купаетесь в ванной голая! – и залился смехом, напоминающим звуки, которые издаёт шакал или гиена.

По идее, с этого момента между ними должна была начаться перепалка. Увы, никаким другим способом неаккуратный толстый алкоголик к себе внимание девушки привлечь не мог.

Я решил предотвратить этот фарс, просто войдя в кабинет.

Искажённое в гневе лицо Гали немедленно приняло серьёзный, рабочий вид. Виталик тоже перестал смеяться.

– Добрый день, Иван Олегович, – выпалили они оба.

– Добрый день, – кивнул я каждому. – Виталик, зайди ко мне. Есть разговор.

Я говорил это максимально строго.

Открывая свою дверь, я взглянул украдкой на Галю. Её глаза светились от счастья. Она понимала, что её «ухажёр» сейчас получит взбучку. Справедливость восторжествовала.

Минуту спустя Виталик расположился в кресле, напротив моего рабочего места. Я добыл небольшой столик, где мог собирать весь свой отдел в размере трёх человек и обсуждать разные рабочие вопросы.

Подчинённый явно нервничал и ёрзал на своём месте. Его нелепый деловой костюм, который был ему немного велик, отвратительно болтался на толстом торсе. Весил парень, на-

верное, килограммов сто двадцать.

– Забавная очередная выходка, Виталя, – начал я довольно лояльно, – молодец.

Парень заметно расслабился. Я продолжал:

– Это же надо, – театрально я поднял брови, – Повелитель Повелителей. Хитро! Умно! Каламбурно.

Виталик поудобней расположился в кресле. Буря, похоже, миновала, и он приготовился вкушать плоды победителя.

– Это значит, ты, стало быть, как-то влез в аккаунт кадровички на сайте и внёс туда запись. Это понятно. – Я вопросительно посмотрел на сотрудника. – Но как ты сделал должностную инструкцию и штатку?

– Я готовил бумаги на конкурс и брал трудовые книжки из сейфа для скана. В тот момент и подложил. А штатку дал ей по её просьбе. У неё тёрки с бухгалтерией, и она боится главбуха, я выступил посредником как бы, – выпалил Виталя.

Он ещё не знал, что его каламбурная исповедь записывается на диктофон. Парень просто сидел напротив меня и улыбался.

– Смешно, правда? – спросил Виталя и заговорщически посмотрел на меня.

Я же лёгким движением руки активировал телефон и запустил запись, сделанную минутой ранее: «Я готовил бумаги на конкурс и брал трудовые книжки из сейфа для скана. В тот момент и подложил. А штатку дал ей по её просьбе. У неё тёрки с бухгалтерией, и она боится главбуха, я выступил

посредником как бы».

Виталья изменился в лице. Словно пойманный зверь, он втянул голову в узкие плечи и стал похож на обиженного медвежонка. Глаза его нахмурились. Вся радость на лице улетучилась, и он тупо уставился в пол.

Я никогда не орал на подчинённых. Но методы воздействия у меня свои были.

– Тебя поймали за зад, Виталья, – без каких-либо эмоций произнёс я. – Ты обосрался.

Сотрудник продолжал молчать.

– Такой талантище, Виталья, а ведёшь себя как ребёнок. Тратишь жизнь на всякую дичь. Давно бы уже встречался с Галей...

– Она вздорная слишком, – промычал парень, – да и я не её полёта птица.

– Какая птица, Виталья? – я повысил немного голос. Это имело очень сильный эффект обычно. Главное – не сорваться на крик. Я контролировал свои эмоции. – Ты же одет, как чмо, пахнешь потом. Ни духов, ни манеры поведения. Бухаешь ещё. В спортзал бы записался, перестал бы жрать всякую срань...

Парень молчал.

– Она такая же колхозница, как и ты, – продолжал я. И, самое главное, как я тоже (эта мысль крутилась в голове). – Но ты ведёшь себя, как животное. Тебя бы давно уволили, если бы ты мне нужен не был.

Я выждал паузу.

– Согласен, деньги небольшие.

Получал он полтос.

– Но ты дай повод начальству тебя заметить. Нормально одеваться и вести приличный образ жизни это не мешает! Спортзал с утра полторы тыщи стоит. Одежды закупить за пару месяцев нормальной, чтобы не висела. Недорого. В какой-нибудь «Заре».

Потом я задумался.

– Впрочем, одно и то же. Я говорю тебе это постоянно. Ничего не меняется.

Виталья поднял голову.

– Ну и увольте меня тогда, – тихая речь прервала молчание. – Не увольте. Я вам нужен.

Это было утверждение. И он был прав. Особенно сейчас, перед этим большим конкурсом.

– Мне-то ты нужен, Виталья. Проблема в том, что ты себе не нужен.

Мы замолчали. Я высказал всё, что хотел. Временный эффект на парня это возымело. Далее – неважно. Лишь бы пережить эту рабочую неделю. Время поджимало.

– Я предлагаю тебе хорошо поработать в ближайшую неделю, Виталья, – после паузы я перешёл к делу. – В случае успеха тебя ждёт премия лично от меня в размере пятидесяти тысяч рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.